

РЕЦЕНЗИИ

Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л.: Наука, 1985. 294 с.

Лингвистика, как и всякая другая область научного знания, преемственна. Она опирается на понятийный аппарат, выработанный предшествующими поколениями ученых, и он составляет то, что принято называть традицией. При этом традиционная научная парадигма воспринимается обычно интегрально, как нечто единое, монолитное, внутренне согласованное и непротиворечивое. Выдвижение новых идей обычно происходит поэтому в форме ломки традиционных представлений, в форме борьбы с устоявшимися мнениями, принимаемыми как незыблемые аксиомы. И эта закономерность формирует стереотип сдержанного отношения к традиционной доктрине как хранящую потенциальных антиномий, нескрытых заблуждений, ошибочных презумпций.

Мне думается, что основной пафос рецензируемой работы — внести весьма существенные коррективы в этот стереотип и показать на конкретном анализе взглядов видных ученых XIX в., что соотношение старого и нового в истории лингвистической науки далеко не так прямолинейно и однонаправленно.

Первая часть рецензируемой книги, названная «Проблемы грамматической типологии» (с. 6—58), содержит исследование С. Д. Кацнельсона «История типологических учений», которое разворачивается в свете развивавшегося им тезиса, согласно которому бесконечное разнообразие грамматических структур в конечном счете вытекает из «принципиального единства всех этнических языков» (с. 6). В этом разделе обосновываются чрезвычайно глубокие, новаторские идеи автора об органической связи типологии с проблемами речевого мышления: «категории речевого мышления являются первоосновой грамматического строя, и без обращения к ним не могут быть поняты и собственно языковые категории» (с. 38). Эти идеи, которые еще только завоевывают права гражданства, проецируются на историю развития типологии, начиная с «Всеобщей грамматики» Порталя и «Гермеса, или философского исследования касательно языка и уни-

версальной грамматики» Дж. Харриса вплоть до современного состояния лингвистической типологии и метода универсалий. С. Д. Кацнельсон убедительно показывает, что ориентация на категориальное содержание грамматических форм, на функциональную предназначенность языка, на процессы речевой деятельности, — эта ориентация характерна не только для новейшего этапа типологии, а проходит красной нитью через всю ее историю.

Основное содержание книги составляет вторая часть — «Проблемы грамматики и общей теории языкознания». Если бы авторы поставили своей целью дать полный, исчерпывающий анализ путей развития общей теории языка в XIX в., то, скорее всего, их бы постигла неудача — результатом был бы или беспристрастный компендиум противоречащих друг другу точек зрения, большинство которых для современного читателя имеет лишь частный, исторический интерес, или претендующий на стройность очерк магистральной линии развития грамматических концепций, из которого выпали бы многие оригинальные, но не поддержанные современниками идеи, несмотря на многозначительность некоторых из них для нашего времени.

Объединяют разделы данной части, несмотря на все их внутреннее разнообразие, два момента:

1) поиск идей, созвучных современному концепциям языка, при одновременном стремлении избежать «модернизации истории» и с учетом того обстоятельства, что, как пишет А. В. Бондарко, «между современными теориями... и грамматической традицией XIX — первой трети XX в. в силу ряда причин... в той или иной мере образовался разрыв», и в наше время «нередко как новое постулируется то, что уже давно известно» (с. 123);

2) свобода выражения личного, авторского отношения к рассматриваемой проблематике: чувствуется, что каждому автору его тема близка и дорога, она составляет содержание его основных научных интересов, поэтому большинство авторов не реферировать труды своих предшественников, а вступает с ними в запис-

тересованный диалог как со своими долгожданými друзьями и сторонниками.

Мне кажется, что такое внутреннее объединение частей коллективной монографии по духу, по основным принципам подхода к теме, а не по форме и априорным логическим принципам оказалось весьма плодотворным.

В рамках избранной теоретико-грамматической проблематики реализуются два подхода к рассмотрению исторических фактов: 1) «проблемный»: от фиксированной проблемы к взглядам тех языковедов, которые ее разрабатывали; 2) «персональный»: от личности ученого к фиксированному кругу проблем.

Проблемный подход реализован в разделах «Концепция членов предложения в русском языкознании XIX века» (В. С. Храковский), «К истокам теории валентности в немецком языкознании XIX века» (С. М. Кибардина), «Разработка залоговой проблематики в немецком языкознании XIX века» (С. А. Шубик). Все три проблемы: синтаксическое членение предложения, валентность и залог — относятся к тем аспектам синтаксиса, которые наиболее активно разрабатывались в лингвистике последних десятилетий. Именно в этих областях в последнее время было накоплено особенно много нового. И вот с «высоты» наших современных представлений о членах предложения, валентности и залоге мы углубляемся в историю русского и немецкого языкознания, где нас ждет довольно много неожиданных открытий. В частности, особое внимание во всех разделах уделяется тем взглядам наших предшественников, которые, в силу тех или иных причин, не вошли в традиционную часть нашей современной научной парадигмы. Внимательный анализ научного наследия XIX в. показывает, например, что идеи «вербоцентричности» предложения следует рассматривать не как «ереси», возникшие в середине XX, а как канонические, свойственные традиционному русскому языкознанию XIX в.» (с. 178), равно как и немецкому языкознанию (с. 208); что четкое противопоставление пропозициональной части высказывания и модальной рамки имеется еще у Д. Н. Овсяннико-Куликовского (с. 130—131), а грамматического и актуального членения — у Ф. Ф. Фортунагова (с. 171), что поисками формальных («чертежных») способов представления структурных схем предложения, используемых как инструмент познания природы синтаксических объектов, занимался В. П. Сланский (с. 129), что в работах немецких лингвистов прошлого были нацелены основные семантические и синтаксические факторы, влияющие на выбор пассивной конструкции предложения (неопределенность или вто-

ростепенность деятеля, коммуникативная выделенность объекта действия, необходимость иметь цепочку корреферентных подлежащих и др., с. 223).

Может возникнуть вопрос: почему нас радуют такого рода открытия? Конечно, определенное значение имеет факт восстановления исторической справедливости. Как пишет В. С. Храковский, «необходимо очень тщательно вглядываться в труды наших предшественников для того, чтобы выявить все те ростки нового, которые до сих пор остаются неизвестными или забытыми, вследствие чего у нас существует обедненное представление о русском языкознании XIX в.» (с. 130—131). Однако такого рода открытия нужны, мне кажется, больше не нашим предшественникам, а нам самим.

Во-первых, они служат лишним подтверждением правильности соответствующих концепций, коль скоро на них «выходили» значительные умы прошлого, не скрывавшие еще рутинной доставшейся нам современной научной парадигмы и в то же время не вооруженные еще современными понятийным аппаратом.

Во-вторых, они свидетельствуют, что эволюция научного знания не есть равномерное и прямолинейное приближение к истине, что в этом движении многие полезные знания «теряются», отвергаются, забываются, но затем добываются вновь, и в этом состоит объективность стоящей за ними реальности.

В-третьих, они демонстрируют неисчерпаемые возможности лингвистической интуиции, позволяющей заглянуть далеко вперед и предвосхитить идеи, обосновать которые можно лишь на принципиально новом уровне знаний об объекте.

В-четвертых, они учат нас внимательно квалифицировать идеи сегодняшнего дня, не меряя их всегда одной и той же меркой (доказаны — не доказаны, формализованы — не формализованы).

Хотелось бы также отметить плодотворность «проблемной» ориентации исторического исследования. Она позволяет, не утрачивая конкретности, увидеть развитие представлений о соответствующей предметной области в динамике (особенно это удалось в исследовании В. С. Храковского благодаря «анкетному» способу задания вариантов соответствующих концепций, с. 132).

Второй, «персональный» подход, вообще говоря, не вполне противопоставлен первому, поскольку все «персоналии» так или иначе ограничены теоретико-грамматической проблематикой, и в них, как указывает А. В. Бондарко, «не ставится цель осветить теоретические концепции соответствующих «языковедов как целостные системы» (с. 79).

В этом ключе написаны разделы «Тео-

ретико-грамматическая концепция А. А. Потебни» (С. Д. Кацнельсон), «Проблемы теории языка и теории грамматики в работах Уильяма Д. Уитни», (И. Б. Долгичева), «Теоретические взгляды тюркологов О. Н. Бётлингка и В. В. Радлова» (Д. М. Насилов). К ним примыкает также раздел «Из истории разработки концепции языкового содержания в отечественном языкознании XIX века (К. С. Аксаков, А. А. Потебня, В. П. Сланский)» (А. В. Бондарко), совмещающий в себе черты обоих выделенных выше подходов, поскольку в нем имеется «проблемная» доминанта, но она ограничена фигурами трех ученых.

Наиболее «монографический» характер имеет раздел, посвященный основоположнику американской лингвистической школы У. Уитни (в частности, прилагается библиография основных трудов У. Уитни, с. 246—248). Особое внимание уделяется при этом влиянию взглядов У. Уитни на концепцию Ф. де Соссюра. (В этой связи уместно было бы вспомнить о специальном исследовании Н. А. Слюсаревой на эту тему [1].)

Обращение к крупнейшим представителям тюркологии — О. Н. Бётлингку и В. В. Радлову — в данном издании не случайно, поскольку о состоянии описательного языкознания и его связи с теоретическим в XIX в. обобщающих работ у нас очень мало. Заслуживают внимания также сведения о глубоких размышлениях О. Н. Бётлингка по поводу методики полевой работы (с. 253), которая с середины прошлого века широко разворачивается в различных ареалах России.

Интерес к теоретическому наследию А. А. Потебни в наше время особенно актуален. Вслед за В. Гумбольдтом А. А. Потебня развивал концепцию «языка как генератора (а не транспортера) мысли...» (с. 67); значительность его идеи, в соответствии с которой языки «служат средством преобразования доязычных элементов мысли (разрядка моя. — К. А.) и поэтому могут быть названы средствами создания мысли» [2], начинает осознаваться только в самое последнее время, когда на повестку дня встала проблема моделирования человека-машинного общения, т. е. создания действующей модели говорящего [3]. В данной монографии взгляды А. А. Потебни рассматриваются с разных точек зрения: в типологической части С. Д. Кацнельсон (см. выше) исследует его генетико-типологическую концепцию, в грамматической части В. С. Храковский останавливается на его теории предложения, С. Д. Кацнельсон — на грамматической теории. Кроме того, в разделе, написанном А. В. Бон-

дарко, значительное место также занимают научные взгляды А. А. Потебни, выдвинувшего идею о языковом содержании как о способе представления (форме) мыслительного («вневязного») содержания. В этом разделе прослеживается общая тенденция развития взглядов на языковое содержание и на собственно лингвистический подход к изучению значений. А. В. Бондарко также обращает внимание на некоторые забытые идеи, которые в наше время находятся в центре внимания грамматической теории, например, на мысли В. П. Сланского об организующем речь законе разумной экономики — стремлении выразить возможно большее логическое содержание возможно простейшими и кратчайшими словесными способами (с. 115—116), о призывающей весь язык метафоричности (с. 117), о необходимости изучения широчайших возможностей синтаксической синонимии методом сведения синонимических выражений к единому семантическому представлению (с. 119) и др.

К промежуточному жанру относится также раздел «Основные грамматические концепции в кавказском языкознании» (И. О. Гецадзе), в котором несправедливо центральной фигурой является крупнейший отечественный языковед П. К. Услар. П. К. Услар был неутомимым исследователем кавказских наречий и оставил после себя грамматические описания шести языков. Он мало писал о лингвистической теории, но в своей конкретной языковедческой практике значительно опережал чистую теорию. Он был прекрасным стихийным методистом полевой исследования, фонологом, обладал незаурядным грамматическим чутьем, позволявшим ему находить разумный компромисс между пидиотическим и универсалистским подходами к неизвестному языку.

Подводя итог, следует отметить, что такое историографическое исследование не могло быть написано сорок и даже двадцать лет назад, оно является по своему замыслу и воплощению, я бы сказал, нарочито современным, и именно поэтому особенно велика его актуальность. Несомненно, эта монография может быть активно использована в вузовской практике в курсах по истории и теории языкознания — здесь она восполняет очень острый пробел. Одновременно она может служить хорошим образцом для аналогичных проблемно ориентированных исторических изысканий: здесь в первую очередь возникает желание заново «переписать» историю русского языкознания в свете злободневных вопросов грамматки русского языка.

Таким образом, можно констатировать, что настоящая монография является от-

радным пополнением литературы по истории языкознания. В то же время она активизирует современную теоретическую мысль, поскольку в ней идеи прошлого, преломляясь в проблемах настоящего, обращают нас к будущему.

Кирич А. Е.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слюсарева Н. А. Некоторые полузабытые страницы из истории языкозна-

ния (Ф. де Соссюр и У. Уитней) // Общее и романское языкознание. М., 1972.
2. Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 166.
3. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах: Под ред. Кирича А. Е., Нарцьяни А. С. М., 1987.

Mann S. E. An Indo-European comparative dictionary. Fasc. 1—11. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1984—1987. 1682 columns.

С. Манн, скончавшийся в августе 1986 г., известен своими работами в области грамматики и лексикографии албанского языка, а также грамматики армянского и чешского языков [1—6]. Работа над рецензируемым словарем и.е. архетипов была пачата С. Манном еще в 1925 г., т. е. за два года до выхода в свет известного «Сравнительного словаря индоевропейских языков» А. Вальде (под ред. Ю. Покорного). Затем составление словаря неоднократно прерывалось, что было обусловлено, как отмечает автор, недостаточной разработкой этимологии таких языков, как албанский, древнепреландский, валлийский, латвийский.

Цель словаря — на основе отбора, классификации и интерпретации максимально широкого фактического материала реконструировать тот «срез» индоевропейского, который предположительно существовал около 4 500—5 000 лет тому назад. Автор отмечает, что он старался в своем словаре «избегать типичной для немецких работ перегрузки этимологических разработок излишним материалом, не повторять типичного для французской практики устранения части фактического материала с целью создания непротиворечивых моделей и не довольствоваться приблизительными этимологическими решениями, как это нередко случается в английской лексикографии» (с. VIII).

Особенностью рецензируемого словаря является то, что, с одной стороны, слова, относимые Покорным [7, ср. 8] к одному и тому же корню, в словаре Манна нередко фигурируют как отдельные архетипы; с другой стороны, в отличие от словаря Покорного, в нем не приводятся детерминативы, присоединяемые к одному и тому же корню: детерминативы непосредственно включаются в постулируемые автором самостоятельные архетипы. В связи с этим в словаре Манна отсутствуют мно-

гие корни, представленные в словаре Ю. Покорного (например, **peu-* «schlagen»; **erforschen*; **reinigen*; **Schaum*; **keu-* «anzünden»; **schwellen*; **bhā-* «sprechen»; **glänzen* и др.). В словаре Манна, к сожалению, не использована никакая-либо специальная этимологическая литература, посвященная анализу отдельных и.е. слов или групп слов. Во всяком случае такая литература не приводится в рамках отдельных словарных статей; в начале работы дается лишь список некоторых стандартных словарей и грамматик. Нет в словаре и дискуссии по поводу различных этимологий отдельных авторов. Хотя словник в рецензируемом словаре опубликован полностью, пользование словарем затрудняется из-за отсутствия индексов отдельных и.е. слов, представленных в словаре. Отметим, что в рецензируемом словаре используется фонетическая нотация, отличная от той, которая применяется в словаре Покорного. Кроме того, при некоторых архетипах приводятся праформы флексий (1-го л. ед. ч. наст. времени при глаголах и им. пад. — при существительных).

Словарь Манна строится всецело на основе известных фонетических законов [9—11]. К сожалению, в словаре не учитываются ни ларингальная, ни глоттальная теории, ни другие новейшие открытия в области и.е. фонетики. Одно из основных достоинств рецензируемого словаря состоит в том, что в нем можно найти большое количество архетипов, не зафиксированных ни в одном из известных специальных словарей и.е. языков, причем они иллюстрируются фактическим материалом, ранее не использовавшимся в и.е. словарях (особенно интересны албанские и армянские примеры). Этот факт может свидетельствовать об определенных комбинациях возможностей в и.е. [12]. Отметим, что наличие в словаре Манна